

DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.007

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЭПИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ В НАРТИАДЕ

Е.Б. Бесолова

Героико-эпический памятник о нартах, веками хранившийся в народной памяти из-за поздней фиксации эпической традиции, оказался, к сожалению, недостаточно представленным. Но даже то, чем располагаем в настоящее время, свидетельствует о том, как сильны и глубоки традиции эпического творчества у осетин. Их называют формулами, типическими местами, общими местами (loci communes), устойчивыми словосочетаниями, традиционными клише, постоянными эпитетами; считают, что формульность – одна из типологических универсалий фольклора и основа устно-поэтической техники текста. Одни ученые полагали, что текст народной лирики должен сплошь состоять из формул, другие – что эпический текст не может быть построен из одних формул, по мнению третьих, каждый поэтический троп – это устойчивый фразеологический оборот. В статье речь идет об эпической формуле, значение которой определяется различно и спорно как в фольклорном произведении, так и в традиции в целом. Обуславливается явление неоднозначностью ее дефиниции, национальным своеобразием жизненного уклада и этнокультурными взаимосвязями, а также ролью в эстетических и религиозных представлениях. Добавим – различным осмыслением национального и типологического в северокавказском фольклоре; архаикой в традиционной культуре, географической уникальностью и другими предпосылками. В публикации предпринимается попытка обосновать также отличия фольклорной формулы от языкового фразеологизма и литературной топики; обращается внимание на установление фольклорного тождества формы и смысла; аргументируется отличие фольклорных формул, свободных словосочетаний от несвободной сочетаемости слов и словесных значений; описываются традиции и факторы, содействовавшие сохранению эпичности и др.

Ключевые слова: осетинский язык, нартовские сказания, эпическая формула, формула-фразеологизм.

Язык как элемент национальной культуры лежит как в основе устного народного творчества, являясь надежнейшим способом хранения и передачи культурной информации, постижения традиционных компонентов культуры и менталитета народа, так и формирования личности в национальном характере. По Ю.М. Лотману, человек осмысливает культуру – знаковую систему, устройство для передачи, хранения и выработки информации – как текст, доступный для понимания, в котором основное место отводится культурным феноменам в системе «текст – контекст – код – диалог». При этом, и это важно, «значение и оценки текста возникают на границе между

текстом и контекстом социокультурного бытия читателя» [1, 23]. Данное положение требует обозначить условия возможности восприятия и интерпретации текста, роль традиции в общем смысле культуры, – одним словом, то, что формирует верования, мировидение и мировосприятие, ибо человек, по определению М.М. Бахтина, не существует вне речевого текста и контекста [2, 229].

Еще в первой половине прошлого века была высказана идея о формульности эпического языка, обосновано как учение о его устных стилевых основах, так и о роли эпической традиции в понимании общих проблем эпоса. Различное понимание терминов «формула» и «фор-

мульность» как отличительной черты языка фольклора существует в основном применительно к разным по своей организации текстам – поэтическим (см. работы «немецкой школы») и прозаическим (различных по характеру традиций). К примеру, кадаги (сказание, сага) о нартах наблюдались в обеих формах: прозаическом и певческом, а также встречался смешанный тип, когда исполнители, народные певцы и сказители, «один за другим состязались в содержательных, лучших напевах и пересказах нартовских сказаний» [3, 134]. Слова М.С. Туганова подтверждают, что уже в древности эпос слагался не только в стихотворной форме, но и прозой.

Не считаем возможным остановиться на некоторых концепциях относительно языка эпической поэзии М. Парри, А. Лорда, их учеников и сторонников: с анализом их теории можно ознакомиться в работе Ю.А. Клейнера [4, 18–44]. В означенном аспекте интерес представляет, на наш взгляд, рассмотрение в текстах нартовских сказаний осетин традиционных эпических формул и их структур с языковой стороны.

Традиционные формулы насыщены, по мнению А.Н. Веселовского, «содержанием очередных общественных мирозданий» [5, 73].

Ученый воспринимает формулы в качестве пары или группы слов, которые объединены взаимоотношениями акта, образов и порождаемых ими понятий. По его мнению, «начала формулам дают ритмическое и содержательное соответствия; <...> как простейшие формулы сопоставления, так и сложные символы и метафоры могут зарождаться самостоятельно, но они будут вызваны теми же самыми психологическими процессами, будут подчинены тому же действию ритма» [5, 357]. А.Н. Веселовский считает, что «поэтические формулы – это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов,

в одном более, в другом менее; по мере нашего развития, опыта и способности умножать и сочетать вызванные образом ассоциации» [5, 376].

Из всего этого исходит, что формульность – закономерность и первоэлемент как лирического, так и эпического жанра, а формула есть некоторый фиксированный отрезок, воспроизводящийся текстуально в работе и в традиции в целом.

По определению Г.И. Мальцева, формулы ('типические', 'общие места', 'loci communes', 'устойчивые словосочетания') не связаны с определенным сюжетом и лежат в основе всего репертуара традиционных песен [6, 22]. А.Ф. Гильфердинг считает, что каждая былина содержит места типические, в основном описательного характера или состоящие из вложенных в героев речей, а также места переходные, соединяющие между собой типические места, повествующие о ходе действия [7, 57].

Другими же исследователями любой поэтический троп мыслится устойчивым фразеологическим оборотом, потому что именно эти формулы-фразеологизмы фиксируют и воплощают *традиционные смыслы*, обращая их в «абсолютную слитность» (М.И. Стеблин-Каменский), в канон фольклорного текста. Специфика в том, что «в фольклорном тождестве формы–смысла заключено отличие фольклорной формулы от языкового фразеологизма, в котором связанность, несвобода сочетаемости вызвана *внутриязыковыми* ограничениями в лексико-синтаксической системе языка, в то время как причинами *экстралингвистического* характера обусловлена «устойчивость и несвобода фольклорных стереотипов» [6, 20].

Фразеологизмы разнятся от традиционных фольклорных формул; они, фразеологизмы, складываясь из сочетания слов, «образуют своеобразное, устойчивое сочетание, а с другой стороны, обладают единым значением, функционируя,

как и обычные номинативные единицы – лексемы» [8, 147]. Ср.: традиционные формулы в сказаниях: *иу абонæй иннаæ абонмаæ* ‘от одного сегодня до другого сегодня’; *иннаæ абонæй иннаæ абонмаæ* ‘от другого сегодня до другого сегодня’; «*Нарты Сырдон уыди стыр зонинджын, амондджын, стæй хайраг лæг, фыдбылдыджын, – цы ‘рцыдаид хабар хорз æмæ æвзæрæй, иннабонæй иннабонмаæ, сæдæ азæй сæдæ азмаæ, уый-иу зыдта раздæр*» [9, 5]. – «Нарт Сырдон был мудрый ведун, удачливый, к тому же плут, приносящий несчастье, – все, что случалось хорошего и плохого от другого сегодня до другого сегодня, из века в век он-то знал наперед» (здесь и далее перевод наш. – Е.Б.).

Известно, что из-за создания текста в момент исполнения в традиционном эпосе и поэзии истинно существенны именно традиционные элементы, что дает возможность каждому певцу, сказителю, импровизируя, сложить повествование. Получается, что ‘сказитель всего лишь варьирует однажды выработанный тип’, в котором традиционные формулы, фиксирующие и отображающие традиционные смыслы, представляют собой свойство поэтичности, самобытность мышления.

В статье автор исходит из того, что Нартиада, находясь в пределах устной традиции, сохраняет «...самые истоки цивилизации, еще не укрощенные письменной культурой» [10, 23]. К этому добавим, что эпические формулы, являясь отражением особенностей «поэтического мышления, в котором типическое и традиционное преобладает над индивидуальным» [11, 194], свидетельствуют о глубокой древности нартовских сказаний, и о том, что в них *традиционность* находит выражение как важнейшее свойство фольклора. Подтверждение этому – дефиниция М. Пэрри, согласно которой эпическая формула находит применение в основном в эпосе, а также в ‘метризованных’ текстах устной традиции [4, 17].

Текст как важнейшая единица коммуникации раскрывает национальный характер личности, образ мыслей, реалии быта, традиционные обычаи, обряды и традиции, представления этноса об эстетических и этических нормах; способствует также познанию духовных ценностей, осмыслению особенностей мировидения и мировосприятия.

Принято понимать всю совокупность входящих в художественную культуру объектов как систему смыслоносущих текстов.

В плане интерпретации текста для выявления глубинного его смысла (в данном случае – сказаний) принципиально важно его изучение как предметно-знакового образования с опорой на семантику, потому что «за каждым текстом стоят <...> языковая система, мир меняющейся реальной действительности, языковые личности автора и адресата» [12, 355]. Уточним, в нашем случае – это языковая личность сказителя, стиль текста которого проявляется в отборе языковых средств, в организации когнитивной деятельности слушателя (читателя) с учетом комплекса экстралингвистических факторов в текстовом творении.

В текстах устного народного творчества самобытность и неповторимость создаются благодаря ментальным языковым формулам, устойчивым выражениям, этническим моделям образности вербального текста.

Итак, признаком специфичности языка фольклора и определяющей чертой стилистики фольклорного текста как устойчивой формульной микросистемы признается формульность [13, 234–236; 6, 22]. Это определение подтверждает следующая дефиниция: «В запоминании, а также в варьировании текстов значительную роль играют своеобразные стереотипные формулы – “общие места” (напр., в былинах – формулы описания княжеского пира, седлания, богатырского коня, скачки богатыря и т.п.)» [14, 234]. И далее: *общие места* представляют со-

бой «всякий устойчивый набор образов и мотивов, используемый при изображении ситуаций, часто повторяющихся <...> наиболее осознанно – в фольклоре» [14, 257].

По мнению Ю.М. Соколова, к традиционным формулам (*loci communes*) прибегает подавляющая часть сказителей и в повествовании, и в запевах, зачинах и исходах. Причем каждый сказитель находит для характерного эпизода свою поэтическую формулу, отсвечивающую своей законченностью и высокой оригинальностью. «Такова формула седлания коня или формула, представляющая описание приезда богатыря на княжеский двор и прихода его в княжеские палаты. Того же типа формулы повествования о выборе богатырем коня и оружия, о снаряжении в путь, о столкновении в поле с противником и т. д.» [15, 235]. Эпические формулы, по В.И. Абаеву, древни, в пользовании ими «соблюдается величайшее чувство меры» [13, 234], они способствуют выделению языка фольклора из остальных подсистем языковой структуры.

Заметим, что распространенная классификация эпической формулы (*общие места, формулы-тропы, формулы-зачины, формулы-фразеологизмы*) со временем дополняется эпическими формулами по времени включения в фольклорный текст (генетический аспект), а также по стилистической направленности [16, 128]. К примеру, Е.М. Мелетинский в эддической поэзии, называя эпические формулы *общими местами*, подразделяет их на две большие группы. К первой относит формульные выражения, характерные для прямой речи героев, ко второй – общие места описательного свойства. Причем типичный эпический зачин, текстуально воспроизводящийся у различных народов, ученый считал наиглавнейшим [17, 76, 83].

К таким эпическим зачинам можно отнести, на наш взгляд, текст из «Сказа-

ний о нартах»: «Нарты равзæрд» – «Начало нартов» [18, 13], имеющий формульный характер. Ср.:

Нарт куыд равзæрдысты. – Как появились нарты

1. *Гуымырыты тыххæй. – О гумирах*
Гуымырытæ уыдысты стыр,
тыхджын, æдылы адæм. Артæй сæхи
фæстæмæ аласын нæ зыдтой æмæ-у сæ
ныхтæ бамбæрзтой къæйдур кæнæ фæйнæгæй.

*Иухатт фæдтой: куыдз арты фар-
 смæ хуыссыди æмæ, куыд тæвддæр код-
 та, афтæ æддæдæр йæхи ласта. Уымæ*
гæсгæ гуымырытæ базыдтой артæй сæхи
хъахъхъæнын – «Гумиры были огромными, сильными, но глупыми людьми. Они не понимали, что от огня можно отодвинуться и прикрывали себе лица [кусками] сланца или дерева.

Однажды они увидели, как собака все дальше отползала от костра по мере того, как он разгорался. Так гумиры научились оберегать себя от огня».

2. *Гуымырытæ. – Гумиры*
Гуымырытæ уыдысты нæртон
адæмæй, сæ зонд уыдис цыбыр, сæ тых та
– стыр. – «Гумиры были из нартов, ум их
был коротким, а сила их – могучей».

3. *Уæйгуытæ. – Уаиги*
Æппæты разæй цардысты бæстыл
гуымыртæ, уый фæстæ Тæгуыппалатæ,
уый фæстæ та уæйгуытæ, Даредзантæ,
Нартæ. – «Раньше всех появились гумиры,
 за ними – Тагуппалаты, затем уаиги, Даредзанта, Нарты».

4. *Нартæ. – Нарты*
Фыццаг уыдысты гуымырытæ;
фæрæт нæ дардтой, бæлæстæ къухæй
тыдтой. Стæй уыдысты уæйгуытæ,
домбай стыр адæм уыдысты; уыйфæстæ
– Нарты нæртон адæм. – «До нартов на
 земле жили гумиры; топоры у них не было, деревья они вырывали руками. Потом появились уаиги – крупные, могучие люди; за ними – нартовский народ».

Приводим еще вариант эпического зачина:

[Цавæр адæм цард нарты агъоммæ]

Хуыцау дунейы куы сфæлдыста, уæд адæм скæныны фæнд скодта. Хуыцауы уынаффæмæ гæсгæ зæххыл равзæрддысты уадмирытæ. Уыдон уыдысты ставд æмæ тыхджын адæм, кæмтты цæугæ нæ кодтой, зæххæн та уæззау уыдысты.

Æртæфондзыссæдз азы куы рацыд уадмирыты равзæрынæй, уæд хуыцау сфæлдыста кæмбадайы, – зондæй дæр, тыхæй дæр уадмирыты хуызæн, фæлæ асæй та кæннæгдæр, раст ныры дæсаздзыд сывæллоны йас. Кæмбада дæр та æгæр чысыл разындысты зæххыл цæрынæн.

Æртæфондзыссæдз азы куы рацыд уыдон сфæлдисынæй, уæд та хуыцау скодта гамерыты; фæлæ та уыдон дæр æгæр стыр разындысты асæй дæр æмæ тыхæй дæр.

Æртæфондзыссæдз азы та куы рацыд гамерыты сфæлдисынæй, уæд та хуыцау скодта гуымирыты. Уыдон дæр зæххы аккаг нæ фесты.

Æртæфондзыссæдз азы та куы рацыд гуымирыты сфæлдисынæй, уæд та хуыцау сфæлдыста уæйгуыты. Уыдон дæр ын дзæбæх нæ фæрæстмæ сты, æгæр стыр разындысты.

Æртæфондзыссæдз азы та куы рацыд уæйгуыты сфæлдисынæй, уæд та хуыцау скодта ног адæм, нарт, зæгъгæ, æмæ йын уыдон фæрæстмæ сты, асæй дæр æмæ тыхæй дæр зæххы аккаг уыдысты [19, 78].

[Какие народы жили до нартов]

«Сотворив мир, бог решил создать людей. По его велению на земле появились уадмиры. Были это люди огромные и сильные, в ущельях они не помещались, земле их было трудно выдержать.

Триста лет прошло, и сотворил бог вслед за уадмирами камбада – умом и силой на уадмиров похожие, а ростом невысокие, не выше нынешних десятилетних детей. Слишком малыми оказались камбада для жизни на земле.

Триста лет прошло, и сотворил бог вслед за камбада гамеров, но и они оказа-

лись слишком велики и ростом и силой.

И еще триста лет прошло, и сотворил бог вслед за гамерами гумиров. Не вышли и они под стать земле.

Триста лет прошло, и сотворил бог вслед за гумирами уаигов. Не удались и они, слишком крупными оказались.

Триста лет прошло, и сотворил бог вслед за уаигами новый народ, нартов, и удались они ему, ростом и силой были под стать земле» [19, 6].

Этот типичный зачин с указанием эпического времени, совпадающего с эпохой первотворения, с тем мифическим началом, когда стал создаваться мир. Приведенный нами эпический зачин повторяется и в последующих сказаниях [18, 14, 22].

Еще один вариант эпического зачина, напоминающего язык формул сказки:

Раджы-ма-раджы, иттæг раджы, адæм уæйгуытæ куы уыдысты, Нарт сæ тæккæ кадыл куы уыдысты, фурд сын фадхъултæм куы уыдис, уæларвмæ сын фæндаг куы уыдис... [20, 590]. – «Давным-давно, очень давно, когда нарты были еще в полной силе, когда нарты были в самом зените славы, когда море им было до щиколоток, когда был открыт для них путь в небеса...»

Допускаем, что речь идет о доисторическом времени: нартовский эпос – один из древнейших памятников мирового фольклора. Подтверждение находим и в аргументированной статье Бориса Мысыккаты об «Индоевропейской поэтической формуле “немеркнущая слава” в осетинской Нартиаде», посвященной светлой памяти выдающего ученого Васо Абаева [21, 131-177]. В ней повествуется о том, что среди фиксированных формул, выявленных А. Куном в поэзии Гомера и в ритуальных гимнах «Ригведы», была обнаружена и реконструирована выше-названная формула, семантическое поле которой располагалось «буквально в центре духовной жизни праиндоевропейцев» [21, 132]. Автор статьи убедительно про-

иллюстрировал, что осетинский вариант рассматриваемой формулы (*æнусы кад / æнусы кой* «вечная слава, бессмертная слава») устойчиво присутствует в списке «излюбленных» осетинами стабильных формул и является «явным проявлением древнего индоевропейского мировоззрения» [21, 137]. Приведенный пример дает надежду на исполнение заманчивой идеи: установить фонд древних осетинских эпических формул по имеющимся эпосам.

Исходя из того, что Нартиада относится к периоду древней индоевропейской общности, естественна и мысль о древности возникновения эпических формул в ее тексте. Неоспоримым подтверждением может служить также эпическая формула *æнусы кад*, передающая понятия ираноязычных скифов-сарматов-алан-осетин о воинской чести и славе, почитании героев-предков. Материальное воплощение этой формулы наблюдается в курганах и курганных каменных стелах, в существующих множествах архаичных мотивов, «продолжающих традицию, заложенную еще степняками индоиранцами в эпоху, предшествующую их миграциям и продолженную их преемниками иранцами скифского времени» [21, 172-173].

Заметим, что в данном случае беспочвенной оказывается утверждение, что «предки осетин усвоили наиболее яркие, 'сильные' сюжеты и мотивы <...> заимствованной монгольской легенды о небесном, солнечном происхождении предка Чингисхана» [22, 157].

Ученые в основном акцентируют внимание на многослойности традиционных формул, выделяют в них пласты и отзвуки различных общественных образований, эстетические, художественные вкусы, индивидуальные предпочтения народных сказителей, одновременно подчеркивая связанность традиционных формул и эпитетов со стилистическими и композиционными особенностями народного эпоса, передающими эпическо-

му миру национальные черты. Ср. *Ус сæ <...> нымæтын ехсæй æркъуырдат; æркъуырынмæ чызг, цы уыд, авд ахæмы фæстад. Уыцы лæппу æмæ уыцы чызг æцæг, ус куыд загъта, афтамæй баззадисты уæдæй фæстæмæ лæг æмæ усæй.*

Бирæ фæцардысты, чысыл – лæппуы йæ фыдыбæстæм фæцауын æрфæндыд. Иу бон куы уыд, уæд рараст и йæ усимæ. Цæуын байдидтой, цæуын байдидтой æмæ денджызы былмæ æрбахæциæ сты [18, 17]. – «Женщина ударила их войлочной плетью; дочь стала краше в семь раз, чем была до этого. Этот юноша и эта девушка на самом деле, как сказала женщина, так и остались с тех пор мужем и женой».

Много ли пожили, мало – захотелось парню вернуться на родину. И вот в один из наступивших дней отправился вместе с женой. Шли они, шли и вышли к берегу моря».

Но, заметим, в любом сказании, даже самом древнем, архаичном по своему сюжету, наблюдаются новообразования, поздние наслоения и отдельные отступления от эпических моделей построения формульных выражений и традиционных эпитетов, что вполне логично с позиций развития эпоса как жанра народного творчества. Ср.: ...*закъæ добæрай йасæ адтæй*, где *добæра* < русск. 'торба'; *æфсæйнаг астъами* (груз.) < *арынгахæфæн*; или *зындоны цад* → *зæрин(джын) цад* → *сыгъзæрин цад*; и др.

Из двух типов формул объектом изысканий литературоведов считается первый, к которому относят формулы-типические места; формулы-зачины, запевы, концовки; формулы-стихи. К примеру, литературовед А.Х. Бязыров определяет эпические формулы как *иудадзыгон фразетæ-формулетæ* 'постоянные фразы-формулы': *Нартон таурагъы ис ахæм аивадон амал дæр, æмæ исты фæзынды, цал хатты фæнды йыл æмбæлæд æмæ йын цавæр фæнды ситуацион ми-ниуджытæй ма фæзынæд йæ бындурон*

миниуджытай уелдай, уеддар ай схондзысты иу аенаивгæ фразайæ, иу аенаивгæ формулагондæй [23, 140] – «В нартовском сказании есть и такое художественное средство в каком-нибудь явлении сколько бы оно раз не встречалось и сколько бы ситуационных признаков не обозначало, помимо основных, все равно его будут именовать одной неизменяемой/постоянной фразой, одной неизменяемой формулой».

Ученый приводит десять примеров; это – формулы приглашения: *Цæуын хъом чи у, уый цæугæ ракаæнд, цæуын хъом чи нæу, уый хæсгæ раканут*. – «Кто в состоянии идти, тот пусть идет, кто не в состоянии ходить, того пусть принесут». *О нарты! Уырызмаг уæ хоны, æмæ йæ къахыл цæуын хъом чи у, уый цæугæ ракаæнд, фазыл бырын хъом чи у, уый йæ фазыл æрбырæд*. – «О нарты! Уырызмаг вас приглашает, и кто в состоянии сам прийти, пусть придет, а кто в состоянии ползти, пусть приползет»; темпоральные формулы: *Балицы, цуаны каенæ уазæгуаты рæстæджы дæргъы иу ран афтæ амоньны*; «Куывди нарты адæми авд æхсæви æмæ авд бони ниууорæдта» [23, 140–143]. – «Во времена походов, охоты или в гостях, в одном месте так наставляют: “На куывде (пиршестве) нартовский народ задерживался на семь ночей и семь дней”»; и др.

Исследователи Нартиады почти во всех вариантах сказаний отмечают наличие древних лексико-семантических вариантов слов и других элементов языковой архаики, дающих возможность реконструировать этнографический, исторический, социокультурный и прочие аспекты прошлого. В этом плане, на наш взгляд, особенно продуктивны *эпические формулы-фразеологизмы*, сохранившие древние элементы лексической и семантической архаики. Ср. *нарты балиц* ‘годовая отлучка нартов’; ‘военный поход’; *нарты (ы)стæр*, *нарты хæтæн* ‘почетный военный поход нартов’; ‘военный поход нартов’; ‘набеги нартов’; *æнахæрд*

бæстæ ‘неопустошенная область’, ‘неизведанный край’; *æнавнæлд бæстæ* ‘нетронутый край’; *æназгъæ зæхх* ‘неизвестная земля’; *нæртон куывдтытæ* ‘нартовские молитвословия, тосты’; *нæртон хойраг* ‘нартовская еда, пища’; и др. Они именуют реалии и уклад жизни тех, кто населяет эпос.

Представляет несомненный интерес синкретичность значения формулы-фразеологизма. К примеру, *нæртон лæг* – ‘нартовский муж’; ‘нартовский мужчина’, где *нæртон* – ‘относящийся к нартам’, ‘свойственный нартам’.

Но эта формула-фразеологизм, дошедшая до нас с древнего периода, сконцентрировала в себе обилие смыслов: традиционного, исторического, социокультурного, этнографического, стилистического и других планов. Проиллюстрируем.

Нæртон лæг. Это – ‘выдающийся’; ‘легендарный’; ‘храбрый’, ‘отважный’; ‘находчивый’; ‘сдержанный’, а еще и ‘благородный’; ‘уважительный’; ‘щедрый’, ‘хлебосольный’; ‘исключительный’; ‘благодарный’ – мужчина; муж; человек.

Эпитет стоит перед определяемым словом. Но встречается и в постпозиции: *нарты дзæбæхтæ* ‘лучшие нарты, лучшие из нартов’.

Принято считать, что с позиций стилистики в эпосе присутствуют две группы формул-фразеологизмов. В первую входят эпические формулы *фольклорного происхождения*: они образуют основной пласт фольклорной фразеологии.

Вторая группа представляет собой фразеологию *нефольклорного происхождения*: поговорки, пословицы, сложные наименования, фразеология разных жанров литературного языка и др.

Предметом лингвистического изучения языка народно-поэтических и эпических текстов считаются *формулы-фразеологизмы*, обладающие определенным потенциалом. Они распределяются по тематическим группам:

предметы, отвлеченные понятия, персонажи, одежда и украшения, жилище и домашнее имущество, растительный и животный мир (см. ниже примеры с определением *сызгъæрин*); по принадлежности грамматически ведущего слова к определенной части речи (атрибутивные, адвербиальные, вербальные, субстантивные, предикативные): *Балсаэджы (Уойнони) цалх; бирæ рацыд, чысыл рацыд; мисири циуан; раджыма-раджы; Хуры чызг; иу абонаей инна абонма; ма хур; Хæмыцы рихи; Сосланы хæраг; кæрцы къæрид; армы тъæпæн*; по компонентному составу (формулы-биномы): *гамхуд; сæрыхъуын; фалтæнварс; сынагдых*; по отношению к стиху (линейные конструкции, вертикальные конструкции, линейно-вертикальные конструкции) [13, 231–234]; по времени включения в фольклорный текст: *сæ китабтæ; стыр сходка, урс тулуп; цинка кира*; по стилистической характеристике (поэтические, общезыковые и др.) [24, 61–62].

К примеру, в текстах сказаний о нартах с эпитетом *сызгъæрин* (*зæрин*) / *сугъзæрийна* 'золотой' употреблены сочетающиеся с ним субстантивы, существительные: *фæткъуы* 'яблоко'; *бæлæттæ* 'голубки'; *базыр* 'крыло'; *сæрыцарм* 'головная кожа'; *систæ* 'перья'; *къæлæтджын* 'кресло'; *хуыссæн* 'ложе'; *дзыккутæ* 'косы'; *къухдарæн* 'кольцо'; *тас* 'таз'; *æнгуырстуан* 'наперсток'; *хъама* 'кинжал'; *рувас* 'лисица'; *чызг* 'девушка'; *хур* 'солнце'; *цад* 'озеро'; *асин* 'лестница'; *гоцора* 'чуб'; *зæрдæ* 'сердце'; *нуазæн* 'кубок'; *чыргъæд* 'корзина из прутьев'; 'короб'; *хил* 'волос'; *пурти* (порти) 'мяч'; *лулæ* 'трубка'; *чырын* 'гроб'; *бæлæгъ* 'лодка' (субмарина); *уилæн хъул* 'метательный альчик'; *кæфой* 'совок из прутьев'; *фынг* 'столик на трех ножках'; *бæлас* 'дерево'; *уадындз* 'свирель'; *урундухъ* (чырын) 'сундук'; *аг* 'котел'; *тъæпæнбын* 'плоскодонный медный котел для пива'; *цæджджинаг* 'большой котел'; *кæсаг* 'рыба' и др.

В приведенном перечне фольклорной фразеологии мы выделили названия: человека и его частей (*сызгъæрин* – *чызг* 'девушка', *зæрдæ* 'сердце', *хил* 'волос', *сæрыцарм* 'головная кожа', *гоцора* 'чуб', *дзыккутæ* 'косы'); принадлежности (*сызгъæрин* – *лулæ* 'трубка'; *æнгуырстуан* 'наперсток'); украшения (*сызгъæрин* – *къухдарæн* 'кольцо', *хъумбул* 'кисть на башлыке'); животного, растительного мира и их частей (*сызгъæрин* – *рувас* 'лисица', *кæсаг* 'рыба', *бæлæттæ* 'голубки', *базыр* 'крыло'; *систæ* 'перья'; *бæлас* 'дерево', *фæткъууæ* 'яблоко'); явлений природы (*сызгъæрин* – *хур* 'солнце'; *цад* 'озеро'); домашнего имущества и предметов быта (*сызгъæрин* – *къæлæтджын* 'кресло'; *хуыссæн* 'ложе'; *тас* 'таз', *нуазæн* 'кубок'; *кæфой* 'совок из прутьев'; *чыргъæд* 'корзина из прутьев'; *аг* 'котел'; *урундухъ* (чырын) 'сундук'); воинского снаряжения (*сызгъæрин* – *хъама* 'кинжал'); предметов игр (сызгъæрин – *порти* 'мяч', *уилæн хъул* 'метательный альчик'); обрядовых предметов (*сызгъæрин* – *чырын* 'гроб'; *тъæпæнбын* 'плоскодонный медный котел для пива'; *цæджджинаг* 'большой котел'); музыкальных инструментов (*сызгъæрин* *уадындз* 'свирель'); частей жилища (*сызгъæрин* *асин* 'лестница'), морского транспорта (*сызгъæрин* *бæлæгъ* 'лодка' (субмарина)).

В тексте сказаний встречаются как эпитеты, определяющие предмет, сделанный из золота (*сызгъæрин* – *лулæ* 'трубка'; *æнгуырстуан* 'наперсток', *къухдарæн* 'кольцо', *тас* 'таз', *нуазæн* 'кубок'; *чыргъæд* 'корзина из прутьев'; *кæфой* 'совок из прутьев'), так и постоянный народно-поэтический эпитет: *сыгъзæрин хил, сыгъзæрин зæрдæ, сыгъзæрин гоцора*.

Не только элементы языковой архаики присутствуют в следующих формулах основного пласта фольклорной фразеологии (ср.: *арвы рæсугъд* 'небесная красота', *зæххон стъалы* 'земная звезда', *зæххы фидыц* 'земное изящество', *нарты уацамонгæ* 'нартовская сказочная чаша-арбитр', *æрдхæрæн куывд* 'клят-

венный куывд (пиршество); *æрдхæрæн бон* 'день принятия клятвы'; *æрдхæрæн фынг* 'клятвенный стол-угощение'; *андиаг нымæт* 'легкая бурка из андийского длинноворсового войлока'; *Сухы цаггд* 'жестокая расправа'; *хæдтулгæ уæрдон* 'самокатящаяся арба, телега'; *арвы айдаен* 'небесное зеркало'; *арвы асин* 'небесная лестница'; *æнусы цард*, *æнусы кой* 'вечная жизнь, вечная слава'; *æфсæрмаиаг* 'стыдливая, застенчивая'; *номы куывдта* 'куывды (пиршества) чести и славы' и др.), но и удивительная концентрация смыслов этнографического, исторического, социального, традиционного свойства. Приходится констатировать, что хотя время унесло некоторые исторические события, реалии, обычаи и верования, которыми некогда мотивировались эти формулы-фразеологизмы, нам все-таки досталась их непреходящая красота, глубокая духовность и эстетическая ценность.

Формулы с цветовыми компонентами *урс* 'белый', *сау* 'черный', *сырх* 'красный', *бур* желтый, *цъæх* 'зеленый, голубой, синий, серый' (ср. *урс дзæнхъа дурта* 'белый кварц (шпат)', *урс саг* 'белый олень', *Урс/Уорс денджыз/денгиз* 'Белое море', *урс зæхх* 'белая земля', *урс хох* 'белая гора', *Урс хохы Урс уайыг* 'Белый горы Белый великан', *урс-урсид фынк* 'белоснежная пена'; *урс фурд* 'белая большая река', 'море'; *Сау хох /Сау хонх* 'Черная гора', *сау лæгæт* 'черная (темная) пещера', *сау тæлм* 'черная полоса', *сау лæг* 'черноволосый'; *сау къæдзæх* 'черная скала', *Сауайнæджы фидар* 'крепость Сайнаг-алдара'; *бур лæг* 'рыжеволосый'; *бурахъус нæлфыс* 'желтоухий баран'; *Борæт бур (цъæх) хæраг* 'бурый (серый) осел Бораевых'; *цъæх цад* 'голубое озеро'; *сырх танхъа* 'красная пена', *сырх пиллон* 'красный пламень'; *къаннаг сырх лæг* 'небольшой красновато-рыжий человек'; (сау денджыз) *сырх-сырхид адардта* ('черное море) стало ярко-красным'; *сырх-сырхид уылаентæ* 'ярко-красные волны', и др.), а также с другими компонентами (*бæркадджын*

æхсин 'изобильная госпожа', *афæдзы æмбырд-цъиты куывд* 'годовое собрание – почетное пиршество', (сæмбæлд) *бæндæн: кæм адаргъвæйы, куы та æрбатымбыл вæйы* '(попалась) веревка: то она удлиняется, то сокращается'; (зæхмæ æркастæн): *сæрак дзабыр æмæ хуыдзарм дзабыр* (кæрæдзиуыл стыхтысты) '(усмотрел на земле): сафьяновый чувяк и чувяк из свиной кожи (сцепились)'; *залиаг калм* 'залийский змей'; *гæды Сырдон* 'пройдоха Сырдон', 'лживый хитрый Сырдон'; *цъитджын хистæртæ* 'знаменитые почитаемые старшие', *фæрныг кæстæр* 'щедрый удачливый младший'; *фæрнджын куывд* 'пиршество мира, благодати, обилия', *æххормаг гуыбынтæ* 'голодные животы'; *бæркад æлутонкъух* 'щедрая изобильнорукая (сказочнорукая)' (Сатана); *авдбынатон магыгæй* 'с семиместной башни'; *æвддадджы сæр* 'крыша семиэтажного помещения'; *Борæты авдæдæгуæлæ* 'родовой семиэтажный замок Бораты', сохранившие в своем составе лексико-семантические варианты слов и элементы языковой архаики, можно считать наиболее древним пластом осетинской фразеологии.

К этому древнему слою относятся также фразеологизмы с устаревшими словами-наименованиями ушедших в историю предметов, явлений (ср. *садвæн зæппадз*, *хæтæн бæх*, *нарты æригъыкк-æхсон*, *Уырбын-бардуаг*, *рындыгъ цæхæр*, *лаппат буар*, *фæтвы гæрз* и др.), а также атрибутивные сочетания, укоренившиеся в сказаниях о нартах, как, впрочем, и в традиционных эпосах других народов. Напр., *хахиаг хах идонæ* 'сказочная уздечка'; *нымæтын ехс* 'войлочная плетель'; *залты мит* 'заловский снег'; *хæрани туптур* 'проклятый холм'; чызг *цард-барæг фестаг* 'девушка стала здоровой, сильной и жизнеспособной'; *цыкурайы сахат* 'время просьб, желаний'; *алаем кæриц* 'чудесная шуба изобилия'; *агъози мит* 'обильный снег'; *арыхъ сапон* 'чистое мыло'; *æхсар хъуымац* 'восточная дорогая ткань';

хъуымацы топн 'тканевый рулон'; бærзонд æхсинбадæн 'высокая светлица'; æртæ мыдамысы æлутонимæ 'три медовых лепешки с алутоном (пивом особой варки)'; хæссынмæ рог, хæрынмæ адджын 'сказочная пища; легкая для несения, сладкая для поедания'; и др.

Что же касается фразеологии «нефольклорного» происхождения – то это поговорки (загъдаутæ), пословицы (æмбисæндтæ), благо- и злопожелания (арфæйы ныхæстæ); ср.: *Æххормаджы бафсадын удыхæстæ у.* – 'Накормить голодного – заслужить рай'. *О цы хур, цы зад да...* – 'О что за солнце, что за ангел...'. *Дæ нуазæн бирæ, хорз чызг...* – 'Да множатся твои кубки (бокалы), добрая девушка'. *Сой цард фæкæнæд нæртон гуыр.* – 'Чтобы ваш нартовский новорожденный прожил в изобилии и достатке'. *Цы Хуыцау да æрбахаста...* – 'Какой бог тебя занес'... *Уæ хорз лæггæдтæ уæ хорз баузæлд.* – 'Чтобы ваши добрые услуги хорошо заботились о вас'. *Дæ рынтæ дын бахæрон.* – 'Да съем я твои болезни'. *Фарн уæ хæдзары! Фæрнæй дзаг у...* – 'Мир вашему дому! Будь полон обилием, счастьем!' *Дæ нывонд фæуон...* – 'Быть мне жертвой для тебя'... *Ма артыл дон бакалди...* – 'Мой очаг водой залит'...; *Нартæн сæ арфæ дæр æмæ сæ лгъыст дæр цауаг уыд.* – 'И благопожелание, и проклятие нартов исполнялись'. *Уе 'хсæв хорз, Донбеттыртæ! Æз – уæ уазæг, сыхах та – Хуыцауы уазæг.* – 'Доброй ночи, Донбеттыры! Я – ваш гость, а вы – Бога'. *Уе 'хсæв хорз уæд æмæ фарн уæ хæдзары! Æз дæн уæ уазæг, сыхах та – дунейы сфæлдисæг Хуыцауы уазæг!* – 'Да будет добрым ваш вечер, и фарн вашему дому! Я – ваш гость, а вы – гости Творца Вселенной, Хуыцау!' [25; 26].

К фразеологии «нефольклорного» происхождения относятся также сложные географические наименования: *Хъæра Терк; Æвдадз æппадз; Тæрхъы хъæд; Цъырингты хъæу; Бæлгъæйы быдыр; Уæйгуыты хох;* двусловные и трехсловные имена

собственные: *Скал-Бесон; Мæсты-Æлгъыст; Дæргъмæ-уыдисн-Уæрхмæ-уылынг; Кæфты-Сæр-Хуыйæндон-æлдар; Æлдар-Хуарз-Æфсати; Ставд-зæнгæ Амуталхъ; Хъулонзачъе уæйыг; Крым-Султан;* фразеология религиозного происхождения: *дини киунугæ Хъуыран; мæрдты бæстæ; зындоны цад; дæлдзæхх цæрæг; дзенети дзæхæрадонæ; Хори хæдзарæ; Зынджы бардуаг; фасти хадзи; Мады Майрæмы бон; Хуари бæрæгбон; фидбилизи дзахана; Доны бардуаг; ирон дин; хъаймæты бон; цæрддзуйы дуæрттæ;* и др.

Встречаются также фразеология с заимствованиями, а также и из других функциональных стилей осетинского языка; ср. *сæ китабтæ; стыр сходка, урс тулуп; цинкæ кирæ; нарты ист лæг; стыр чъырын хæдзар; ардамонгæ хæдзар; нывæфтыд хурмæсыг; æрхуыйы мæсыг; бæстырæсугъды мæсыг-Дзылат; Уæрыпны фидар; Тынты калак; Терк æмæ Турчы (Терк-Турчы) рæгъау; уонтæ бæрзонд æма сæр губураей; Фæлладуадзæн къул;* много историзмов, архаизмов: *савæн зæппадз; сæудзавд фæуинаг; æрзынон зыхынынджын куывд; æвдадз ехс; бурæфцæг куыдз; дзогъар ныуазæн; алæм кæри; зæронд тæгæрхъæды кæфой ; рухс æртынтæ; æхсид саргъ; алузджаз бæх; эвфемизмы: тырæнхъæлцау, тырæнхъæлтæ; зæрдæ 'хсайгæй; æмбал кæмæн нæй, уый; æфсæрмыгæнæг;* и др.

Наблюдаются в тексте сказаний также синонимичные формулы-фразеологизмы. Ср. *пылыстæг къæлæтджын – сыгъзæрин къæлæтджын; æвдадз бæлас – сыгъзæрин бæлас; æвдадз ехс – нымæтын ехс – Уастырджийы ехс; алæм кæри – дессаг схъар; уæларв цæрджитæ – зæдтæ æмæ дауджитæ; тæхгæ дон – тæдзгæ суадон; цæрддзуйы лæгæт – фыдбылызы лæгæт; хонгæ адæм – æрхуынд адæм; дыдзы хур – мæрдты хур – сидæрты хур; хъохы дæндаг – æрхъызы дæндаг; цауæгæ суадон – зæдты суадон; арыхъ сапон – хъарæ сапон* и др.

В текстах кадагов Нартиады встречаются также формулы-фразеологизмы мифо-ритуального комплекса традиционной культуры осетин, входящие в обрядовый текст. Эти формулы-фразеологизмы были некогда связаны с обрядами, обычаями, верованиями, а сейчас их поэтическая красота передает самое существенное из мифопоэтической картины мира и конкретно-исторических условий жизни осетинского народа. Проиллюстрируем:

Цыкурайы сахат, синоним *курдиаты сахат*. По поверьям осетин, есть час, когда небожители исполняют желание человека [27, 126].

Фудиронхгæнæн цъæх дор / фыдронхгæнæн дур 'серый камень забвения скорби' / 'камень забвения скорби', 'камень скорби'. Синоним *зæрдæ исæрхæн дор*

'камень увеселения сердца / души'. По народному поверью, способствует забыванию горя, о чем повествует содержание сказания «Уырызмаэдджы æнаenom læппу» («Безымянный сын Урызмага») [18, 323, 335].

Мæрдты бæстæ 'потусторонний настоящий, действительный мир, где находятся Ад и Рай', который посещает нарт Сослан в сказании «Созырыхъо Мæрдты бæстæйы» («Созырыко в Стране мертвых») [28, 337–346].

Мы затронули лишь часть проблем по эпической фразеологии нартовских кадагов. Даже то малое, что удалось описать, обнаруживает, что «каждое слово представляет собою особый микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной истории» [29, 3].

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 227–249.
3. Туганов М. Новое в нартовском эпосе // Известия ЮОНИИ. 1946. Т. IV. С. 133–148.
4. Поэтика традиций: Сб. науч. статей / Под ред. Я.В. Василькова и М.Л. Кисилера. Пред. Ю.А. Клейнера. СПб.: Европейский дом, 2010. 394 с.
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 650 с.
6. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской необрядовой религии // Поэтика русского фольклора. Русский фольклор. Л.: Наука, 1981. Т. XXI. С. 13–37.
7. Гильфердинг А.Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. М.-Л., 1949. Т. I. 372 с.
8. Кодухов В.И. Общее языкознание. М.: Высшая школа, 1974. 303 с.
9. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2007. Ч. 4. (на осет. яз.).
10. Земцовский И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды. Л.: Советский композитор, 1977. 176 с.
11. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. М.: Наука, 1979. 496 с.
12. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.
13. Абаев В.И. Религия, фольклор, литература // Избранные труды. В 2-х т. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. 638 с.
14. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.

15. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941. 558 с.
16. Петенева З.М. Формульность как определяющая черта стилистики фольклорного текста // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1988. Вып. 22. С. 126-134.
17. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 368 с.
18. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2003. Ч. 1. (на осет. яз.).
19. Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Наука, 1990. Кн. 1-2.
20. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2010. Ч. 5. (на осет. яз.).
21. Мысыккаты Б. Индоевропейская поэтическая формула «немеркнущая слава» в осетинской Нартиаде // Nartamongæ. 2020. Vol. XV. № 1-2. С. 131-177.
22. Гуриев Т.А. К методике изучения ономастики эпоса // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984. Вып. 1. С. 155-159.
23. Бязырты А. Нарты эпосы поэтика. Цхинвал: Ирыстон, 1986. (на осет. яз.).
24. Исаев М.И. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. 105 с.
25. Кусаева З.К. Арфæтæ (благопожелания) в системе эпического повествования осетинской «Нартиады» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. 2013. № 2. С. 52-65.
26. Моргоева Л.Б. Паремии и речевые формулы осетинского языка: семантический, прагматический и этнолингвистический аспекты. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. 162 с.
27. Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 707 с.
28. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2011. Ч. 6. (на осет. яз.).
29. Филин Ф.П. Проблемы исторической лексикологии русского языка. (Древний период) // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 3-17.

Besolova, Elena B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); elenabesolova@mail.ru

ON THE LINGUISTIC ASPECT OF THE EPIC FORMULA IN THE NARTS' SAGAS.

Keywords: the Ossetian language, Narts' sagas, epic formula, phraseological formula.

The heroic epic monument about the Narts, stored in the people's memory for centuries turned out to be insufficiently represented due to the late fixation of the epic tradition. But even what we have at the present time is quite illustrative of the strong and deep traditions of epic creativity preserved by the Ossetians. They are called formulae, typical places, common places (loci communes), set phrases, traditional clichés, conventional epithets. Formulae are considered to be one of the typological universals of folklore and the basis of the oral poetic technique of the text. Some scientists believed that the folk text should consist entirely of formulae, others considered that an epic text cannot be based on formulae alone. According to third group of scholars, every poetic trope is a set phraseological unit. The article deals with the epic formula, the meaning of which is determined differently and is rather controversial both in folklore and in the tradition on the whole. The phenomenon is determined by the ambiguity of its definition, the national peculiarity of the way of life and ethno-cultural relationships, as well as the role it has in aesthetic and religious ideas. Other significant factors are represented by different understanding of the national and typological in the North Caucasian folklore; archaic

features of the traditional culture, geographical uniqueness of the region and other prerequisites. The present article substantiates the differences between the folklore formula and linguistic phraseology and literary topos, and focuses on the establishment of folklore identity of form and meaning. The research differentiates between folklore formulae, free phrases and non-free combination of words and meanings of the words; it describes the traditions and factors that contributed to the preservation of the epic, etc.

References

1. Lotman, Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow, Iskusstvo, 1970. 384 p.
2. Bakhtin, M.M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh: Opyt filosofskogo analiza* [The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities: An Experience of Philosophical Analysis.]. *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature: Anthology. Ed. V.P. Neroznak]. Moscow, Academia, 1997, pp. 227–249.
3. Tuganov, M. *Novoe v nartovskom epose* [New in the Nart epic]. *Izvestiya YuONII* [Proceedings of the South Ossetian Research Institute]. 1946, vol. IV.
4. Vasilkova, Ya.V., Kisilier M.L. (eds.). *Poetika traditsii* [Poetics of traditions]. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2010. 394 p.
5. Veselovsky, A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1940. 650 p.
6. Maltsev, G.I. *Traditsionnye formuly russkoi neobryadovoi religii* [Traditional formulas of Russian non-ritual religion]. *Poetika russkogo fol'klora. Russkii fol'klor* [Poetics of Russian folklore. Russian folklore]. Leningrad, Nauka, 1981, vol. XXI, pp. 13–37.
7. Hilferding, A.F. *Olonetskaya guberniya i ee narodnye rapsody* [Olonets province and its folk rhapsody]. *Onezhskie byliny, zapisannyye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega epics, recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871]. Moscow-Leningrad, 1949, vol. I. 372 p.
8. Kodukhov, V.I. *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1974. 303 p.
9. *Nartykaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2007, book 4. (in Ossetian).
10. Zemtsovsky, I. *Fol'klor i kompozitor. Teoreticheskie etyudy* [Folklore and composer. Theoretical studies]. Leningrad, Sovetskii kompozitor, 1977. 176 p.
11. Zhirmunsky, V.M. *Sravnitel'noe literaturovedenie* [Comparative literature]. Moscow, Nauka, 1979. 496 p.
12. Bolotnova, N.S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Flinta, Nauka, 2007. 520 p.
13. Abaev, V.I. *Religiya, fol'klor, literature* [Religion, folklore, literature]. *Izbrannyye trudy. V 2-kh t.* [Selected works. In 2 vols]. Vladikavkaz, Ir, vol.1. 1990. 638 p.
14. Kozhevnikova, V.M., Nikolaeva P.A. (eds.). *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 750 p.
15. Sokolov, Yu.M. *Russkii fol'klor* [Russian folklore]. Moscow, Gos. uch.-ped. izd-vo Narkomprosa RSFSR, 1941. 558 p.
16. Peteneva, Z.M. *Formul'nost' kak opredelyayushchaya cherta stilistiki fol'klornogo teksta* [Formality as a defining feature of folklore text stylistics]. *Voprosy stilistiki* [Issues of Stylistics]. Saratov, Saratov University, 1988, iss. 22, pp. 126–134.

17. Meletinsky, E.M. *“Edda” i rannie formy eposa* [“Edda” and early forms of the epic]. Moscow, Nauka, 1968. 368 p.
18. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2003, book 1. (in Ossetian).
19. *Narty. Osetinskii geroicheskiy epos* [Narts. Ossetian heroic epic]. Moscow, Nauka, 1990, book 1-2.
20. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2010, book 5. (in Ossetian).
21. Mysykkaty, B. *Indoevropayskaya poeticheskaya formula “nemerknushchaya slava” v osetinskoi Nartiade* [Indo-European poetic formula “unfading glory” in the Ossetian Nartiada]. *Nartamongæ*. 2020, vol. XV, no. 1-2, pp. 131-177.
22. Guriev, T.A. *K metodike izucheniya onomastiki eposa* [On the methodology for studying the onomastics of the epic]. *Problemy osetinskogo yazykoznaniiya* [Problems of Ossetian linguistics]. Ordzhonikidze, 1984, iss. 1, pp. 155-159.
23. Byazyrty, A. *Poetika nartovskogo eposa* [Poetics of the Nart epic]. Tskhinval, Iryston, 1986. (in Ossetian).
24. Isaev, M.I. *Ocherki po frazeologii osetinskogo yazyka* [Essays on the phraseology of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1964. 105 p.
25. Kusaeva, Z.K. *Arfætæ (blagopozhelaniya) v sisteme epicheskogo povestvovaniya osetinskoi “Nartiady”* [Arfætæ (good wishes) in the system of the epic narrative of the Ossetian “Nartiada”]. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii* [Nartology in the XXI century: modern paradigms and interpretations]. 2013, no. 2, pp. 52–65.
26. Morgoeva, L.B. *Paremii i rechevye formuly osetinskogo yazyka: semanticheskii, pragmaticheskii i etnolingvisticheskii aspekty* [Paremiology and speech formulas of the Ossetian language: semantic, pragmatic and ethnolinguistic aspects.]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2015. 162 p.
27. Miller, V.S. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, 1992. 707 p.
28. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2011, book 6. (in Ossetian).
29. Filin, F.P. *Problemy istoricheskoi leksikologii russkogo yazyka. (Drevnii period)* [Problems of historical lexicology of the Russian language. (Ancient period)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 1981, no. 5, pp. 3-17.